

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Т. Ю. Журженко

Рыночная модернизация
и третий сектор в
посткоммунистических обществах:
элементы гендерного подхода

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Jurjenko.pdf>

Перепечатка с сайта центра «Стратегия»
<http://strategy-spb.ru>

URL:<http://www.civisbook.ru>

Т. Ю. Журженко

Рыночная модернизация и третий сектор в посткоммунистических обществах: элементы гендерного подхода

Прежде всего я хотела поблагодарить организаторов конференции за возможность принять участие в этом замечательном мероприятии, встретиться с людьми, которых я знаю давно, познакомиться с новыми интересными людьми. Особенно в связи с тем, что, поскольку мы живем в Украине, таких возможностей стало меньше. И какая-то часть внутреннего «Я» годами дремлет и ждет такой возможности попасть в такую культурную среду, которая раньше была частью твоей жизни, а сегодня перестала ею быть. Я действительно рада, что я оказалась Здесь, на этой конференции.

И тема моего доклада, как заявлено в программе.

Поскольку я представляю женскую исследовательскую организацию - Харьковский центр гендерных исследований и поскольку здесь, очевидно, сформировалась такая коалиция некая представительниц женских организаций - тех, кто относит себя к представителям гендерных исследований, я думаю, аудитория меня не поймет, если я не начну с гендера, хотя в тезисах я об этом не писала.

С другой стороны, у меня есть серьезное опасение, что иногда, чем больше мы говорим о чем-то - о каком-то вопросе, о какой-то проблеме, о каком-то подходе, то мы, сами того не желая, его дискредитируем. У меня есть такое серьезное опасение, что все, что здесь звучало как бы с

позиций женских или, как здесь говорилось, феминистских, оно как бы произвело не совсем серьезное впечатление. И я хочу поделиться моим личным впечатлением от очевидной неравнозначности, неравновесности двух типов дискурсов, которые были здесь представлены. То есть как бы этого традиционного научного дискурса, в котором находится большинство аудитории, и того, который здесь был заявлен как женский или как феминистский.

Я думаю, что это на самом деле такой большой и интересный вопрос, почему так происходит. В женской аудитории это не так бросается в глаза. А вот в такой аудитории это производит очень мощное впечатление. И вопрос - в чем здесь причина? - мне кажется очень важным. Я буду все время к этому возвращаться. Тем не менее, несмотря на такое пессимистическое начало, я начну с этой теоретической конструкции - с гендера.

Но я не буду говорить о возрастании женской социальной, политической активности, о роли женских организаций в Украине. Я попытаюсь предложить некое наполнение этого понятия - «гендер», которое может дать некие новые выходы в обсуждаемых нами вопросах. Понятие «гендер» - это социальный культурный конструкт, где под маской естественного, природного, биологического предназначения женщины, функции женщины и мужчины скрывается сложная организованная система доминирования, контроля, принуждения, которая пронизывает все социальные институты. И как сформулировала одна из авторов: «Тело женщины не является ее собственным телом. Оно сконструировано медициной, законом, визуальной культурой, модой, ее матерью, ее домашними обязанностями и ее репродуктивными задачами».

Для меня, когда мы говорим о гендере как теоретическом подходе, речь идет не просто об изучении статуса женщины в обществе, пусть даже мы признаем, что это общество является патриархальным. Но как о проблематизации места, которое традиционно предписывается женскому - феминному, в научном и в публичном дискурсе.

И в связи с этим мне очень близко в это плане высказывание одной из представительниц, так называемого «радикального феминизма» - феминизма различия. Люс Легарей, француженка (она философ и психоаналитик), написала в 70-е годы достаточно скандальную книгу, которая называется (можно по-разному перевести) «Пол, который не один», а может быть, «Пол, который как бы и не пол». И она

сформулировала, собственно, свою задачу как теоретика. Она сформулировала так: не создание теорий, в которых женщина была бы объектом или субъектом исследования, а не много не мало - подрыв господствующего дискурса - вот той отлаженной экономики производства смысла, как она написала, т.е. создание помех, застопоривание этой работы теоретической машины и воспрепятствование ее претензиям на производство истины.

Этот подход основывается на идее как бы инаковости женской субъективности и принципиальной несводимости этой самой женской субъективности к традиционному субъекту западной философии, права, политики, экономики.

Этот подход позволяет понять, почему женщина как бы проскальзывает сквозь эту сетку в теоретических конструкциях традиционной социальной науки. То есть для меня скорее, когда я говорю о гендере и гендерном подходе, это теоретическая конструкция, которая в этой ситуации постмодерна, которая вчера упоминалась, она знаменует собой некий уже очевидный кризис такого универсального общечеловеческого объективного знания, которая обнаруживает свои границы.

Для меня гендерный подход - это попытка, возможно, незаконная, с точки зрения дисциплинарной науки, создания такого нового типа знания - знания с позиции особого места женщины в обществе, в политике, в экономике. И гендер получается как бы одной из возможных точек проработки таких новых исследовательских стратегий. Это ни в какой степени не является подразделом традиционного социального знания. Мне кажется, что здесь очень важно то, что этот подход позволяет увидеть как бы зазор, расхождение, которое существует между традиционными конструкциями универсального социального знания, которое нам привычно, и, скажем, женским опытом повседневной жизни.

Часто говорят, что гендер - это как бы их проблематика. Я думаю, что нет, потому что аналогичный зазор, в общем, знаком и нам. Он возникает каждый раз, скажем, в нашей ситуации между теорией рынка - экономической теорией и нашим с вами опытом повседневной жизни.

Вчера мне было особенно приятно то, что здесь звучали мысли, которые созвучны моим размышлениям и догадкам. Я не знаю, насколько они могут претендовать на общезначимость, но вчера говорилось здесь - Николай Петрович говорил об экономической науке,

которая в современных условиях, о той модели экономического знания, которая воспринята и реализуется, к каким последствиям это приводит; и Василий Павлович говорил о классическом либерализме и тоже о последствиях, как бы попытки непосредственной реализации этой доктрины. В частности, можно сказать об экономическом либерализме. И возникает вопрос, который вообще редко рассматривается: почему была позаимствована именно эта модель экономической науки в ее наиболее жестком позитивистском варианте, и вообще как связан переход к рынку с тем типом экономического знания, который обеспечивает этот переход?

Я в связи с этим рискну предположить такую вещь. Мне тем более сейчас легче это сделать, потому что я приехала два дня назад в Питер и купила у вас в книжном магазине две книжечки: перевод работ немецкого автора Питера Козловски, который занимается теорией хозяйства, философией хозяйства. В оглавлении я увидела одно из названий его глав «Рынок - как дискурс». Поэтому мне легко об этом говорить, это как бы не моя только идея.

Но уже достаточно давно я продумывала как бы такой подход к этой проблеме. Мне казалось, что экономическая наука, в ее дисциплинарном варианте не учитывает то, что в переходный период формирование того самого рыночного механизма, о котором мы все говорим, оно сопровождается реконструкцией этого рыночного дискурса. Возможно, введение этого понятия помогло понять естественную ограниченность экономической теории и, соответственно, ее некоторую гендерную нечувствительность.

Если говорить о том, что понимать под этим «рыночным дискурсом», или «рынком дискурса», мне кажется, что понять это можно, если вспомнить, что в годы перестройки, в начале всех тех преобразований, которые мы с вами пережили, концепция рынка была, несомненно, чем-то большим, чем просто научное обоснование необходимости перехода к рынку и содержание этих реформ. Рыночная утопия, которая обосновывала возвращение, к так называемому, природному, естественному порядку вещей, к естественным законам жизни в отличие от законов исторического коммунизма, она, оказалось, сыграла роль такого мощного разрушителя коммунистической системы. И не случайно чисто экономические результаты десятилетия реформ во всех странах СНГ вызывают наибольшее сомнение, потому что

мобилизованная в годы перестройки экономическая наука выполнила свою идеологическую функцию куда лучше, чем научно-практическая.

И понятие «рыночного дискурса», с моей точки зрения, имеет несколько аспектов. То есть его можно определить как некий гетерогенный набор доминирующих концепций, общепринятых истин, исходных принципов и допущений, образующих экономическую науку, неотделимую от ее неотрефлексированных, нетеоретических посылок. Рыночный дискурс бесспорно существует и на уровне бессознательного. Поэтому, если использовать термины психоанализа, в случае переходной экономики нехватка «рыночной реальности» замещается фантазиями, в производство которых вовлечена, не отдавая себе в этом отчета, экономическая наука.

«Рыночный дискурс» - это экономические знания в единстве социально-культурно-исторически обусловленном процессе его производства; теория, выполняющая функцию идеологической поддержки существующего социального рыночного порядка или процессов перехода к рынку.

По поводу идеологической функции экономической науки - это тоже не моя идея - писал американский экономист Фил Брунер. У него есть работа, переведенная на русский язык, - «Экономическая теория как универсальная наука».

И о теории рынка. Экономическая наука, с точки зрения такого подхода, не является, соответственно, гендерно нейтральной. И именно «рыночный дискурс» является тем механизмом, благодаря которому культурно укорененное гендерное неравенство и система иерархий воспроизводится в экономической сфере.

Феминные ценности, справедливости, солидарности, ориентации на сообщество оказываются принесенными в жертву утопии идеального рынка, соответствующей на уровне теории утопии объективного экономического знания.

И именно поэтому в условиях переходной экономики рыночная парадигма оказывается как бы непроницаемой для критики, поскольку установление рыночного порядка требует такого идеологического обеспечения. Поэтому такой жесткий маскулинный уклон в сторону рыночной ценности... Мы часто любим говорить о том, как дискриминируются женщины в условиях переходной экономики, как они в большей степени несут на себе социальные последствия, издержки реформ, мне кажется, что здесь несколько глубже проблема. И она

связана не просто с тем, что, в силу каких-то причин, женщины оказываются наиболее уязвимыми, а с тем, что переход к рынку является как бы процессом маскулинизации, в том смысле, что этот уклон в сторону рыночных ценностей именно с этим связан. Любая апелляция как бы к оппозиционности феминным ценностям рассматривается как отказ от агрессивного курса экономической либерализации общества.

Здесь я хочу вспомнить то, что говорила вчера Татьяна Герасимова, мысль, на которую, мне кажется, незаслуженно не обратили внимание - о двух подразделениях общественного воспроизводства: о материальном производстве, которое по своим целям, задачам и методам управления маскулинное; и о социальном воспроизводстве - феминном, но вторичном в существующей сегодня системе ценностей.

Воспроизводство этой первичности и вторичности оказывается в условиях перехода к рынку неизбежным. Поэтому вопрос о том, какие причины обуславливают воспроизводство гендерного неравенства, экономические или культурные, о чем мы неоднократно спорим, он в такой постановке оказывается лишенным смысла, потому что он является наследием такого понимания экономики, из которого в интересах дисциплинарной чистоты исключена культура. И современное положение женщины в украинской экономике оно обусловлено (украинской - я говорю, имея в виду какие-то общие процессы) не биологией, не экономическими законами и не культурными стереотипами, а это результат функционирования определенного дискурсивного механизма, в котором, в силу внутренних закономерностей, место женского жестко определено как маргинальное.

Почему все это имеет отношение к проблеме Третьего сектора, о которой мы сегодня говорили? Мне кажется, что существование и развитие 3-го сектора - неправительственных организаций (или некоммерческих организаций, как здесь говорили, разные термины существуют) очень тесно связано с теми процессами рыночной модернизации, которую мы все переживаем.

И установившийся сегодня в посткоммунистическом пространстве тип дискурса, в рамках которого обсуждается проблема рыночных трансформаций, цели и направления экономических реформ, этот тип дискурса обладает таким собственным жестким, но скрытым порядком, который навязывает свою логику и научным публикациям, и правительственным программам, и речам политиков. И в рамках этого дискурса рыночная модернизация рассматривается прежде всего как

средство создания эффективной экономики, то есть как такая некая технологическая задача создания хозяйственного механизма, который бы обеспечивал максимальную экономическую эффективность и экономический рост. И, соответственно, в рамках этого «рыночного дискурса» повышение уровня жизни населения представляется автоматическим следствием увеличения темпов экономического роста. То есть решение социальных проблем выступает как некая вторичная задача, решаемая на основе остаточного принципа.

Тем самым вопрос о гуманитарных, о человеческих целях, о социальных целях экономического развития остается за рамками универсалистской концепции рыночной модернизации. И мне кажется, что мы пренебрегли опытом и попытками осмысления экономического развития в условиях социализма, того катастрофического, ориентированного на экономический рост развития советской экономики, которая в начале перестройки была подвергнута критике. Но потом эта критика была забыта. И все последствия были списаны как бы на отсутствие рынка. И верх одержала аполитичная, ценностно-нейтральная, техницистская концепция рынка как некоего универсального регулятора, обеспечивающего как бы экономическую эффективность и в значительной степени социальную справедливость.

В связи с этим опыт стран с переходной экономикой, который нужно рассматривать в контексте глобальной тенденции мирового развития, говорит о необходимости пересмотра господствующей парадигмы экономического развития, которая основывается на таких поддерживающих друг друга идеологемах «рынка» и «экономического роста».

Современное экономическое развитие в свете этой новой парадигмы должно отвечать как бы нескольким требованиям - требованиям справедливости, то есть не усугублять дисбаланс, диспропорцию между недо- и перепотреблением. Т.е. плоды экономического роста не должны использоваться отдельными лицами в ущерб жизненным интересам остальных. Требование устойчивости, т.е. экономическое развитие должно осуществляться не за счет такого безжалостного истощения природных ресурсов. Наконец требование включенности, которое предполагает, что каждый человек имеет право быть активным участником происходящих процессов, не должен быть изолированным, отчужденным от участия в этих преобразованиях.

Поэтому в заключительной части моего выступления я хочу сказать, что роль 3-го сектора состоит в том, что именно ему принадлежит решающая роль смены парадигм экономического развития и ухода от доминирующей модели, так называемой «ковбойской экономики», т.е. экономики, основанной на системе ценностей росториентированного развития, т.е. ориентированного на количественный рост. И именно организации 3-го сектора способны преодолеть отчуждение людей, происходящее в социально-экономических процессах, реализовать право людей на включенность, как бы на участие и реализовать право на артикуляцию и лоббирование особых интересов маргинальных групп, меньшинств, дать возможность предоставить людям альтернативные шансы и как бы увеличить возможность их выбора.

И именно организации 3-го сектора - их роль состоит в том, чтобы выдвигать и поддерживать инициативы, учитывающие интересы локальных сообществ, малых групп и меньшинств. Развитие 3-го сектора - это возможность решения многих социальных проблем, не подменяя государственную социальную политику, но избегая государственного патернализма и порождаемого им иждивенчества, особенно это касается инвалидов, которые хотели бы реализовать себя в тех социально-экономических условиях, в которых им выпало жить.